

© 1990 г.

ОБСУЖДЕНИЕ СТАТЬИ К. У. ГЕЙЛИ «ДИАЛЕКТИКА ПОЛА В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВА»* ПАРАДОКСЫ ПОЛОВЫХ РОЛЕЙ

«... Важной книгой, способной, несомненно, стать классической в своей области исследований», назвала известная американская исследовательница Э. Б. Ликок книгу К. У. Гейли о становлении классового общества и половой иерархии на островах Тонга¹. В настоящее время Гейли является профессором антропологии Северо-Восточного университета в Бостоне (США); область ее исследований — проблема возникновения угнетенного положения женщин. В этой теме она продолжает и развивает подходы, сформулированные в свое время Э. Б. Ликок. Последняя известна в нашей стране как этноисторик, сделавший немало для изучения индейцев алгонкинов, а также для популяризации марксистских идей среди американских антропологов. К сожалению, нам гораздо хуже известна другая сторона ее деятельности, которая заключалась в том, что Э. Б. Ликок, по словам своей ученицы Гейли, возглавила марксистское направление в феминистском движении в США, и целое поколение молодых американских антропологов обязано ей знакомством с идеями марксизма и феминизма. Во время XII МКАЭН (Загреб, 1988 г.) Женская комиссия посвятила три специальных заседания памяти Ликок, во время которых подчеркивался ее неоценимый вклад в борьбу против социального и расового неравенства. Наиболее ценным в научном наследии Э. Б. Ликок многие называли работы о происхождении полового неравенства, которое она вслед за Ф. Энгельсом связывала с развитием товарного производства и становлением классового общества.

Эта краткая преамбула необходима для понимания той атмосферы, в которой происходило формирование Гейли как исследователя. Подход к женской тематике своей наставницы Ликок, равно как и свой подход, Гейли называет «марксистско-феминистским». Сущность этого подхода отчетливо проявляется в ее фундаментальном исследовании, посвященном эволюции полового неравенства на островах Тонга, а также в настоящей специально написанной для советского читателя статье, в которой автор пытается сформулировать общую концепцию динамики половых ролей при переходе к классовому обществу.

Проблематика статьи сама по себе достаточно широка, но в ходе ее изложения автор порой выходит далеко за рамки поставленных вопросов, поднимая фундаментальные проблемы, связанные с местом пола в социальной системе в целом, и тем самым делая ее еще интереснее для советского читателя. Определенным достоинством этой статьи можно считать, на мой взгляд, небезуспешную попытку уйти от чрезмерной генерализации (кстати, не-

* Статью К. У. Гейли см. в «Сов. этнографии», 1990. № 5.

редко свойственной нашей теоретической науке), сделать упор на дифференциации различных социальных контекстов. Автор совершенно справедливо рассматривает взаимоотношения половых ролей и статусов и специфику представлений о них порознь в разных классах, разных региональных группах, разных этносах, в обществах разного уровня развития, а также пытается учесть и взаимовлияние этих представлений.

Предлагаемая советскому читателю статья примечательна и в другом отношении. Она знакомит его с не совсем обычной для нас проблематикой и традициями американской антропологической науки, со своеобразными подходами, отражающимися, в частности, в новой для нас терминологии, с трудом поддающейся переводу на русский язык. И это относится не только к термину *gender*, о котором говорилось в одном из подстрочных примечаний, но и к противопоставлению «работы» «труду» как свободной деятельности — подневольной, и к термину «tribute-based society», для которого в русском языке пришлось вводить достаточно тяжеловесный эквивалент — «общество, основанное на данническо-податно-повинностном способе эксплуатации». Иначе говоря, речь здесь идет о ранних государствах, в которых эксплуатация заключалась в регулярном или нерегулярном взимании податей, а также в отработках в пользу государства². Там, где у нас принято оперировать понятием отношений собственности, автор говорит о контроле над трудом и его конечным продуктом. Может быть, не привычным для советского читателя окажется противопоставление брачного выкупа (дословно «богатство невесты») «цене невесты» (№ 5. С. 92), но здесь надо учитывать, пусть и небесспорную, авторскую концепцию, согласно которой в классической первобытности ценности, передаваемые родом жениха роду невесты, подчеркивали неразрывность связей невесты с ее родичами, тогда как позднее, в ходе классового образования эти связи ослабевали, пока окончательно не были утрачены. В русском переводе в ряде случаев эти непривычные для нас авторские термины были намеренно сохранены, чтобы передать колорит оригинала и помочь лучше познакомиться с системой понятий и представлений, бытующих в американской антропологической науке.

Хотелось бы привлечь внимание читателя и к предмету дискуссии, и к характеру его обсуждения автором, что также вводит нас в ту специфическую атмосферу, которая господствует в американской науке. Скажем, тезис автора о том, что само по себе участие в производстве еще не дает права распоряжаться готовым продуктом (№ 5. С. 86), покажется иному советскому читателю тривиальным, но, как показывает его эмоциональная аргументация, предлагаемая Гейли, американскому читателю еще предстоит свыкнуться с его содержанием.

Непривычным для нас может показаться и накал страстей вокруг самого предмета дискуссии — генезиса полоролевой стратификации, но это уже по иной причине, так как у нас этому вопросу уделялось мало внимания³. А между тем в западной науке ведется ожесточенная полемика об извечности полового неравенства; о времени его возникновения (в классической первобытности или же в период классового образования); в чем оно выражалось и как вызревало. Предложено несколько различных теорий, претендующих на объяснение этого явления в самых архаических обществах. Автор по ходу изложения касается этих теорий, но представляется необходимым назвать их авторов, среди которых есть и выдающиеся ученые — К. Леви-Строс (брак как обмен и основа альянсов), французские неомарксисты К. Мейясу, Э. Тэррай, М. Годелье (подчиненное положение женщин в линейных структурах), М. Розальдо (распределение мужского и женского авторитета соответственно в общественной и частно-семейной сферах), Ж. Лафонтен (исходные предпосылки неравенства, связанные с половым разделением труда) и др. Один из важных моментов этих дискуссий затронут в работе другой американской исследовательницы К. Флюер-Лоббан, статья которой была недавно опубликована в журнале «Советская этнография»⁴.

Очень важной проблемой, предлагаемой Гейли для обсуждения, являются

культурологические параметры половых различий, их стадияльные, региональные и этнические формы, о чем в нашей науке, за исключением И. С. Кона⁵, никто, пожалуй, всерьез и не писал. А между тем народы СССР с их огромным разнообразием культур и путей исторического развития дают богатейший материал для разработки соответствующей тематики. Заслуживает внимания и вопрос о соотношении реальных ролей и функций каждого пола и их отражении в мировоззрении, что далеко не всегда совпадает. Чаще здесь нет прямой корреляции, в особенности в социально дифференцированном обществе, где высший слой пытается навязать свои представления всему обществу. В этом смысле нельзя не признать, что система общественного образования и средства массовой информации в развитых обществах могут играть и часто играют негативную роль, навязывая обществу представления, в которых заинтересованы именно те люди (или классы), в чьих руках они находятся.

В целом модель, предлагаемая автором, отражает лишь один, хотя и весьма распространенный, путь социальной эволюции, связанный с так называемым вторичным классообразованием, т. е. с влиянием уже существующей государственности на первобытные общины, расположенные у ее рубежей и постепенно так или иначе подпадающие под ее влияние. Именно это заставляет автора делать особый акцент на неравномерности развития отдельных обществ. В советской этнографической литературе эта проблема уже ставилась, однако, как правило, в достаточно общей форме⁶. Но и ныне она остается недостаточно изученной. А ведь ее актуальность трудно переоценить, в особенности для нашей страны и особенно в наше время. Ведь как и во многих других регионах мира, на территории СССР за последние несколько столетий происходили контакты и взаимовлияния между обществами, стоящими на самых разных уровнях социально-экономического развития и с очень разными традициями. В ходе таких контактов естественный ход развития так или иначе искажался, возникали новые, очень своеобразные варианты эволюции. Все это Гейли достаточно тонко анализирует на примере трансформации полоролевых параметров в контактной ситуации.

В своих теоретических воззрениях Гейли, как и ее наставница Ликок, исходит из концепции, впервые сформулированной Энгельсом, согласно которой переворот в семье, приведший к господству мужчины, был связан с развитием процесса социальной и имущественной дифференциации. О предшествующем периоде, относимом им к низшей ступени варварства, Энгельс писал следующее: «Разделение труда — чисто естественного происхождения; оно существует только между полами. Мужчина воюет, ходит на охоту и рыбную ловлю, добывает продукты питания в сыром виде и изготавливает необходимые для этого орудия. Женщина работает по дому и занята изготовлением пищи и одежды — варит, тклет, шьет. Каждый из них — хозяин в своей области: мужчина — в лесу, женщина в доме... Домашнее хозяйство ведется на коммунистических началах несколькими, часто многими семьями. То, что изготавливается и используется обща, составляет общую собственность: дом, огород, лодка. Здесь, таким образом, и притом только здесь, на самом деле существует... „собственность, добытая своим трудом“»⁷. В этих условиях, как полагал Энгельс, мужчина занимал в доме второе место после женщины.

Энгельс опирался на данные о североамериканских индейцах, для которых, как он считал вслед за Л. Г. Морганом, был характерен развитой родовой строй. Вместе с тем сейчас мы знаем, что эти общества существенно различались между собой и по характеру хозяйственной деятельности, и по уровню общественного развития, и по особенностям социальной структуры. Так, если характеристика, данная Энгельсом половому разделению труда, в целом подходит для неземледельческих обществ индейцев северо-западного побережья Северной Америки, то в социальном плане эти общества были уже дифференцированными, и здесь не приходилось говорить не только о каком-то более высоком положении женщин по сравнению с мужчинами, но даже и об их социальном равенстве.

Напротив, у земледельцев ирокезов, которые также вступили на путь классовообразования, социальное положение женщин было несравненно выше, чем на северо-западном побережье, и мужчинам приходилось считаться с ними не только в домашней, но и в социально-политической сфере, скажем, в решении вопросов войны и мира, в выборе должностных лиц и пр.

Не вполне укладываются в концепцию Энгельса и новые данные о ранних скотоводах. Вспомним, почему, по его мнению, революция в семье произошла с появлением скотоводства. Он считал, что приручение животных и уход за ними являлись мужским делом, и, следовательно, в силу трудового права собственности мужчины в таких условиях оказался владельцем основных средств производства, что и обусловило становление новых отношений между мужьями и женами. По-своему логичное, это представление не работает применительно, скажем, к горным папуасам Новой Гвинеи. Ведь и там, хотя основная нагрузка по выращиванию культурных растений и уходу за свиньями падает на женщин, полученный продукт, и прежде всего его наиболее престижный компонент — свиньи, находится под контролем мужчин. Иначе говоря, «трудовое право собственности», лживость которого разоблачал Энгельс применительно к капитализму⁸, с большой натяжкой может использоваться и в применении к родовому обществу. В целом основные средства производства в последнем находились в руках рода, что и позволяло папуасским бигменам оказывать давление на простых общинников при сборе свиней для церемониальных обменов, межобщинных пиров и пр. А коль скоро этот вид собственности контролировался родом, а фактически в условиях патрилинейности находился в руках мужчин, то и их жены были низведены до статуса работниц, которые могли лишь пользоваться, но не распоряжаться собственностью.

На Новой Гвинее подобные взаимоотношения отражались в очень своеобразной идеологии, а иногда и в резком антагонизме мужчин и женщин. Эта идеология ориентировалась прежде всего на мужские ценности, обладавшие наивысшим престижем. Так, в некоторых обществах, где престиж связывался с социальной сферой, в частности с церемониальным обменом, принимать участие в производстве жизнеобеспечивающего продукта было не только не престижным, но и позорным делом, и мужчины старались воздерживаться от выращивания «женских» растений, которые тем не менее составляли их главную пищу. Тем самым призыв Гейли искать источник социального авторитета и уважения в производственной сфере (№ 5. С. 88) кажется хотя и отчасти справедливым, но недостаточным.

Во многих папуасских обществах компонентом отцовско-родовой идеологии было представление о зачатии, согласно которому зародыш формировался из семени или жира, полученного от отца, и крови, полученной от матери. Соответственно именно отцовская субстанция являлась проводником благодатного духовного агнатного влияния, тогда как материнская кровь полностью или во многих своих компонентах рассматривалась как враждебное начало. Вот почему в ходе инициаций подростков во многих папуасских обществах большое внимание уделялось искусственному кровопусканию, якобы снижающему вредоносное чужеродное влияние и, напротив, усиливающему насыщение мужской субстанцией. Вот почему представляется неправомерной имеющая место в науке, в том числе нашей, традиция, безоговорочно отождествляющая кровнородственные связи с родовыми. Ведь по воззрениям папуасов, кровь связывала человека с представителями именно чужого рода.

Следовательно, в условиях отцовского рода, иначе говоря патрилинейности, создавались предпосылки для приниженного положения женщин. То же самое отмечалось в условиях материнского рода при вирилокальности, как это наблюдалось у индейцев северо-западного побережья Северной Америки. Напротив, при матрилинейности и матрилокальности женщины могли обладать достаточно высоким статусом и влиянием, примером чему служат ирокезы. Иначе говоря, хотя процесс классовообразования сам по себе и создавал предпосылки для

полового неравенства, последнее возникло не автоматически: на его сложение мог повлиять целый ряд дополнительных факторов, связанных с социальной структурой, в данном случае линейности и локальности брачного поселения.

Но и это еще не все. В свое время, изучая папуасов чамбули в районе Сэпик (Папуа — Новая Гвинея), М. Мид сделала весьма необычные наблюдения, на которые впоследствии неоднократно ссылались феминистки. По мнению Мид, там полоролевая картина имела характер, противоположный тому, что представляется типичным, скажем, европейцу, — в своем поведении женщины чамбули проявляли качества, которые мы обычно приписываем мужчинам, и наоборот. Позднее в свете новых исследований было установлено, что в принципе социальная структура и духовные представления чамбули не отличаются от общепапуасской модели, а специфическая поведенческая ситуация, встреченная Мид, была следствием сложившихся исторических условий (чамбули лишь недавно вернулись на свою родину после многих лет изгнания, многие мужчины находились на заработках, а все оставшиеся были заняты строительством церемониального дома и т. д.). И все же женщины здесь действительно пользовались большей свободой и имели больше авторитета, чем у горных папуасов. Объяснить это можно тем, что у чамбули наблюдалась так называемая система кольцевого трехродового союза, когда мужчины отдавали своих сестер в жены в один род, а сами брали себе жен из другого. В этих условиях какими бы богатыми ни были брачный выкуп и последующие дары свойственникам, они никогда не могли окупить жены и ее репродуктивных способностей, и мужчины были не в состоянии избавиться от чувства зависимости от свойственников, что находило отражение в особом отношении к женам. Хотя и здесь мужчины расценивали своих жен как существ более низкого ранга, последние чувствовали себя много свободнее и уверенней, чем у горных папуасов.

Говоря о факторах, способствующих становлению половой иерархии, необходимо всегда помнить об относительности их влияния и рассматривать последнее в полном социальном контексте. Так, в принципе развитие военного дела может способствовать росту мужского авторитета, как это и отмечает Гейли (№ 5. С. 91), но вот у ирокезов оно нисколько не подрывало высокое социальное положение женщин. Неизбежны ли патриархальные взаимоотношения, если домохозяйства составляют социально-экономическую ячейку, как считает Гейли (№ 5. С. 93)? На практике такая связь действительно встречается довольно часто. Но и здесь нет автоматической корреляции, ибо во главе домохозяйств могут стоять и женщины, что нередко случается в условиях материнско-родовой организации.

Наконец, последний вопрос, который хотелось бы затронуть, это воздействие факторов культуры на половые роли. Обыденному сознанию кажется, что половая принадлежность задана человеку от рождения, и это является основанием для того, чтобы сегрегация по полу ощущалась порой не менее остро и болезненно, чем по национальному признаку. Вот почему одни из самых мощных политических движений в современном мире, помимо национальных, — феминистские и другие женские движения. Вместе с тем, не говоря уже о появившихся в последние годы возможностях изменения биологического пола медицинским путем, сравнительно-этнографические исследования показывают, что у многих народов мира существуют непривычные для нас полоролевые позиции или нормативные возможности их изменения. Так как Гейли лишь упомянула об этом, а в нашей науке данная тема практически не разработана, необходимо пояснить сказанное несколькими примерами.

У папуасов бимин-кускумин (Западный Сэпик, Папуа — Новая Гвинея) особый статус имеют старухи, вышедшие из репродуктивного возраста. Некоторые из них наряду с мужчинами выполняют обязанности старейшин в своих отцовских родах, обладают престижными ценностями и играют большую роль в мужских ритуалах, к которым простых женщин не подпускают под страхом смерти. В социальном плане такие старухи как бы объединяют в себе и мужские,

и женские качества, и их считают чем-то средним между мужчинами и женщинами. Иначе говоря, своеобразие местной культуры обуславливает здесь как бы наличие третьей половой роли. Нечто подобное происходило со стариками-воинами у мохавов низовий р. Колорадо (США). Там эти всеми уважаемые старцы не только давали советы молодым людям, но добровольно обслуживали домохозяйства, которые по той или иной причине временно оставались без хозяйки. В целом готовка здесь считалась женским делом, но участие в ней таких стариков не только не вредило, но и повышало их репутацию. Они же заступались за жен перед рассерженными мужьями, предлагая последним излить гнев на себя. Тем самым старики в некоторых контекстах заменяли женщин, что также можно трактовать как наличие третьей половой роли.

В некоторых обществах отмечалось обусловленное теми или иными факторами изменение половой роли на противоположную. Так, у индейцев луизенью в Южной Калифорнии юношей, которые считались «слабыми», т. е. не выдерживали экзамена на мужскую роль, переводили в травестистскую категорию *куут*, и они становились «женами» знатных людей, выполняя для них женские хозяйственные обязанности. Напротив, во многих африканских обществах встречался особый институт женщины-мужа, связанный со стремлением сохранить собственность и преемственность агнатной линии в определенных родственных группах, где по какой-либо причине не осталось подходящих для этого мужчин, способных сыграть роль мужа и отца. В социальном плане таких женщин кое-где рассматривали как полноправных «мужчин», и они даже могли быть вождями. Таким образом, здесь наблюдался альтернативный, африканский вариант решения той же задачи, что у знатных женщин Ниппура, о которых пишет Гейли (№ 5. С. 91).

Все рассмотренные примеры, а их можно приводить без конца, показывают, каким мощным орудием в руках человека является культура, способная так или иначе трансформировать, казалось бы, незыблемые биологически заданные качества. Однако обращает на себя внимание тот факт, что все случаи травестизма наблюдаются в тех обществах, которые являются маскулинно-ориентированными, т. е. при господствующей сегрегации женского пола отдельным его представительницам при наличии соответствующих качеств позволено изменить свою половую роль. Но это касается именно отдельных индивидуумов и, следовательно, является тем исключением, которое только подтверждает правило.

Поэтому культурологические трансформации половых ролей не могут быть перспективным путем, способным привести к социально-экономическому или социально-культурному равенству полов. Более надежным кажется тезис Энгельса о том, что «освобождение женщины, ее уравнивание в правах с мужчиной невозможно..., пока женщина отстранена от общественного производительного труда и вынуждена ограничиваться домашним частным трудом»⁹. Однако это — лишь условие, которое само по себе еще не делает женщину равноправной, даже если она получает наряду с мужчиной равный доступ к средствам производства и к реальным рычагам власти. Ведь необходимо еще коренным образом изменить атмосферу в быту с ее стереотипом женщины — домашней хозяйки или кухарки, воспитательницы детей.

В. А. Шнирельман

Примечания

¹ Gailey C. W. Kinship to Kingship. Gender Hierarchy and State Formation in the Tongan Islands. Austin, 1987.

² Ю. И. Семенов назвал такой способ производства «политарным». См. Семенов Ю. И. Об одном из типов традиционных социальных структур Африки и Азии: прагосударство и аграрные отношения // Государство и аграрная эволюция в развивающихся странах Азии и Африки. М., 1980.

³ Сколько-нибудь детально его касался только Ю. И. Семенов. См. Семенов Ю. И. Происхождение брака и семья. М., 1974.

⁴ *Флюер-Лоббан К.* Проблема матрилинейности в доклассовом и раннеклассовом обществе // Сов. этнография. 1990. № 1.

⁵ *Кон И. С.* Введение в сексологию. М., 1988, и др. его работы.

⁶ Первобытная периферия классовых обществ до начала Великих географических открытий. М., 1978; *Шнирельман В. А.* «Неолитическая революция» и неравномерность исторического развития // Проблемы переходного периода и переходных общественных отношений (проблемы неравномерности общественного развития). М., 1986; *Куббель Л. Е., Першиц А. И.* Первобытность и классовые общества // История первобытного общества. Эпоха классовобразования. М., 1988, и др.

⁷ *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч. Т. 21. С. 159.

⁸ Там же.

⁹ Там же. С. 162.

© 1990 г.

ПРОБЛЕМЫ ПОЛА И МАРКСИСТСКИЙ ФОРМАЦИОННЫЙ ПОДХОД К НИМ

Статья К. У. Гейли, как это уже отмечалось в других откликах на нее, посвящена мало привычной советскому читателю тематике — проблемам пола в культурологическом и историко-социологическом аспектах. Трудно переоценить важность этой тематики, а следовательно, и масштабы тех лагун, которые из-за отсутствия должного внимания к ней имеются в советских историко-социологических и этнографических исследованиях. Абстрактный социально-экономический детерминизм наших работ как главная их методологическая — марксистская основа ведет к тому, что человечество в своем историческом развитии и в своих конкретных социальных и культурных средах предстает в виде обезличенной и бесполой массы, сугубо подчиненной каким-то действующим извне силам. Исторические же события сплошь и рядом оказываются как бы отделенными от их непосредственных участников, феномены культуры — от их носителей, социальные институты — от их создателей, составляющих в действительности сложнейшие и разнообразнейшие спектры индивидуально-психологических типов, всегда в то же время разделенные надвое универсальной границей — социокультурной производной полового диморфизма, который уготовил двум половинам человечества весьма различные роли в создании мировой культуры и в процессах развития и функционирования отдельных социальных организмов и культурных традиций.

В обширном комплексе многообразных социокультурных феноменов, порожденных дихотомией полов, как правило, лишь традиционные формы полового разделения труда и соотношение социальных статусов полов привлекают внимание советских историков и этнографов. Однако извлеченные из целостного контекста глубоко взаимосвязанных явлений, эти аспекты человеческих отношений чаще всего подаются и воспринимаются также довольно абстрактно. Увлечшись поисками общих независящих от воли и сознания людей закономерностей развития общества и его культуры, мы нередко забываем, что ничто в конечном счете не возникает само собой, что все накопленное в мировой культуре создано в процессе творческой деятельности конкретных людей и что характер этой деятельности и ее результаты всегда несут отпечаток половой принадлежности творцов. Несколько упрощая и огрубляя, можно сказать, что наряду с общечеловеческими есть сферы культуры и социальные институты, разрабатывавшиеся преимущественно мужчинами, и есть сферы культуры и социальные институты, создававшиеся главным образом женщинами, и это самым существенным образом предопределило и их структуру, и их содержание.

Вместе с тем разные социальные роли, разные жизненные задачи, разные области приложения труда, ума, эмоциональной энергии формируют разное мировосприятие, разные системы ценностей, разные жизненные устремления, разные стили мышления и чувствования. К. Маркс сказал: «Человек — это мир человека...»¹. Но мир человека — это или «мир мужчины», или «мир женщины». А эти «миры» совпадают лишь отчасти, а от «другой части» глубоко расходятся.

Очевидно, можно без особого преувеличения сказать, что на протяжении всей истории человечества и в самых различных областях ойкумены те сферы деятельности, которые в наибольшей мере привлекали внимание пытливых и творческих умов, особенно интенсивно отражаясь во всевозможных памятниках культуры, являлись преимущественно мужскими. И основными их исследователями — носителями интеллектуальной познавательной традиции — также были главным образом мужчины. Поэтому «мир мужчин» гораздо полнее отражен и в искусстве — в художественном познании, и в гуманитарной науке. И есть немало произведений искусства, научных работ или даже целых областей гуманитарного знания, в которых то, что предстает как «мир человека» (его мировосприятие, его манера мыслить и чувствовать) или как культура какого-то социума в целом, на самом деле является лишь «миром мужчин» или культурой преимущественно мужской части общества.

В свое время, углубившись в изучение первоисточников по аборигенам Австралии, я с немалой долей наивного удивления обнаружила, что такие традиционные атрибуты их культуры, которыми в нашей этнографической литературе обычно характеризовалось общество коренных австралийцев в целом, как-то: возрастные инициации, тотемизм, колдовство и знахарство, наскальная живопись и рисование на коре, система лидерства и церемониального обмена, игра на *диджериду* и даже похоронная обрядность, — на деле почти исключительно сферы мужской культуры — они создавались мужчинами и являются по преимуществу их достоянием. А у женщин своя культура, гораздо хуже изученная, гораздо менее экзотическая и впечатляющая и именно поэтому, видимо, часто остающаяся как бы «за кадром» в обобщающих этнографических исследованиях. То же, вероятно, можно сказать и об описаниях многих африканских культур или индейских культур Америки. И, очевидно, не случайно, что именно на долю культурной и социальной антропологии, изучающей архаические общества, отмеченные особо заметными формами культурной дихотомии полов, выпала инициатива начать восполнение пробелов в исследовании «мира женщин». И именно женщины-антропологи первыми приступили к выполнению этой задачи, заложив основы для особой субдисциплины — антропологии пола. Эта субдисциплина зарождалась преимущественно в лоне сугубо академических исследований этнопсихологической школы, опираясь на тщательно собиравшиеся эмпирические полевые данные. К настоящему времени она вышла далеко за пределы изучения доиндустриальных обществ, накопила ценнейший фактологический багаж и выработала специфический концептуальный аппарат, остающийся в основном нам незнакомым. Однако внутри данной субдисциплины есть направление, в котором обнаруживаются некоторые черты, нам достаточно близкие. Оно, как представляется, уходит своими истоками за рамки чисто академических научных интересов в сферу феминистского общественного движения и феминистских устремлений. В нем наука причудливо соединилась с феминистской идеологией, а фокусом внимания сделался все тот же вопрос о соотношении социальных статусов полов, о мужском доминировании, о его формах, причинах и истоках. Изучение же этого вопроса рассматривается в значительной мере не как самостоятельная исследовательская цель, но как средство, с помощью которого можно отыскать пути преодоления всевозможных существующих в мире форм неравенства между полами. И опять-таки, очевидно, не случайно, что в некоторых работах, принадлежащих этому направлению, феминизм вступает в своего рода симбиоз с марксизмом, имеющим, как и во многих

советских исследованиях, характер не столько особого метода научного анализа, сколько определенного комплекса исходных общетеоретических постулатов. Среди последних постулат о полном социальном равенстве, в том числе и между полами, в доклассовых обществах оказывается как нельзя лучше соответствующим феминистским установкам, исходящим по не совсем понятной логике из того, что существование равенства полов в прошлом служит как бы залогом достижимости такого равенства в будущем.

И вот, как представляется, обсуждаемая статья К. У. Гейли во многом приывает именно к этому феминистско-марксистскому направлению, соединяя в себе весьма противоречивые тенденции. С одной стороны, она отражает высокий теоретический уровень, достигнутый современными исследованиями по проблеме пола, сложность и разработанность их категориального аппарата, обширную эрудицию автора и множество сделанных ею оригинальных и тонких наблюдений о характере взаимоотношений полов в различных обществах, переживавших, как она полагает, процесс государство- и классовобразования.

Этот высокий теоретический уровень, особый категориальный аппарат и оригинальные авторские наблюдения создают ощущение новизны и необычности, усиленное тем, что статья носит явный отпечаток того специфического стиля изложения мыслей, который распространен среди западных марксистов и который Э. Гелнер, быть может, слишком резко именует «Мумбо-Юмбо салонного западного марксизма»². Я бы скорее сравнила этот стиль с особым языком «посвященных», доступным лишь узкому кругу прошедших инициацию. Все это существенно затрудняет для нас восприятие содержания статьи. Но, с другой стороны, если мы все же попытаемся «пробиться» сквозь эту непривычную и как бы даже нарочито усложненную оболочку, то под ней обнаружим ряд методологических и мировоззренческих установок, а также общетеоретических положений, хорошо знакомых нам по советским марксистским работам и восходящих к основоположникам.

Обозначаемое словом *gender* понятие, переводимое чаще всего словосочетаниями «полоролевые стереотипы» или «половые роли», оказывается порой в контексте статьи не только полностью отвлеченным от биологических сексуальных аспектов пола, но и от реальных носителей этих стереотипов или ролей — мужчин и женщин, действующих в обществе. Вообще фактор сознательной целенаправленной деятельности человека как бы не учитывается, а все социальные процессы выступают подчиненными сугубо жестким закономерностям, никак не зависящим от воли, сознания, стремлений людей. Вопрос об отношениях полов и о динамике их изменений рассматривается главным образом в знакомом ракурсе соотношения статусов мужчин и женщин, имеющих в культуре ценностных представлений о маскулинности и фемининности, а также распределения между мужчинами и женщинами ролей в материальном производстве и в системе управления.

Априорно в качестве исходного постулата автор принимает марксистское положение о неразрывной связи и единстве процессов классовобразования и государствообразования, а давно обсуждаемую в мировой науке проблему, удачно названную В. А. Поповым «политогенетической контроверзой»³ (многократно зафиксированная в истории и этнографии ситуация, когда в обществе имеются разветвленные политические структуры, а классы, в марксистском понимании, отсутствуют), полностью обходит вниманием.

Главная идея статьи, что в процессе политогенеза кардинально меняются полоролевые стереотипы и что эти изменения нуждаются в тщательном изучении, бесспорна, но в то же время и самоочевидна. А вот подход к исследованию характера, существа, направленности таких перемен вызывает определенные сомнения. Опять-таки априорно, не обращаясь к анализу фактического материала по догосударственным обществам, в первую очередь по охотничье-собираательским, но вполне согласуясь с Ф. Энгельсом, К. У. Гейли исходит из того, что до начала складывания классового неравенства и политических

структур статусы полов были равны и соответственно как равноценные оценивались в обществе и вклады в материальное производство и роли в функционировании системы социального контроля, соответственно такие проявления неравенства в положении мужчин и женщин, как половая иерархия и патриархия (если пользоваться терминологией К. У. Гейли), развиваются лишь с разрушением догосударственных структур. Между тем даже у так называемых низших охотников и собирателей мы далеко не всегда находим эгалитарные формы организации отношений между полами, и это обстоятельство опять-таки уже не раз привлекало специальное внимание исследователей⁴.

Так, у аборигенов Австралии и бушменов Калахари при одинаковом способе жизнеобеспечения, при одинаковом способе производства и одинаковой системе производственных отношений (с точки зрения марксистского подхода) в традиционных условиях отмечались весьма различные формы взаимоотношений полов. Австралийские аборигены были точно так же далеки от формирования классовых отношений, и от создания государственной организации, как и бушмены Калахари, но если у последних отношения между полами характеризовались полным или почти полным эгалитаризмом, то у первых существовало резко выраженное — нормативно закрепленное — неравенство статусов мужчин и женщин, причем положение женщин у австралийцев, бродячих охотников и собирателей, было значительно более низким и зависимым, чем, скажем, во многих полинезийских обществах, считающихся стадияльно куда более продвинутыми.

Насколько можно судить на основе сопоставления данных по организации взаимоотношений полов в различных известных этнографии архаических обществах, полное равенство социальных статусов полов возможно только при полном эгалитаризме всей системы социальных отношений. А это, по-видимому, редкость или по крайней мере весьма нечастое явление даже среди охотничье-собирательских культур. Складывается впечатление, что всюду, где имеются какие бы то ни было формализованные отношения субординации, иерархическая структура статусов, женщины неизбежно оказываются в менее благоприятном положении, чем мужчины. И особенно значительными, как кажется, бывают ущемления женских прав там, где в обществе имеются влиятельные и престижные замкнутые корпорации, возможности вступления в которые ограничены нормативами и вхождение в которые открывает доступ к наиболее важным (или считающимся таковыми) видам информации — высоко социальное значение знания, сохраняющегося в строгой тайне ото всех остальных. Такие корпорации могут формироваться при любом способе производства, при любой экономической системе или в рамках любой социально-экономической формации, какую бы типологию и терминологию мы ни избрали. Подобные корпорации известны и у бродячих охотников и собирателей, не развивших каких-либо форм имущественной дифференциации и не имевших частной собственности (например, те же аборигены Австралии с их мужскими тотемическими группами), и в классовых обществах, основанных на частной собственности на средства производства, и в социалистических обществах, как будто бы уничтоживших антагонистические классы и частную собственность.

Почему такие организационные структуры имеют тенденцию к возникновению при весьма различных условиях? Не потому ли, что их существование связано с какими-то глубинными закономерностями социально-психологического характера, закономерностями, пересекающими границы культур, континентов, формаций и т. п.? И не потому ли они чаще всего являются монополией мужской части общества, что создаются именно в процессе мужской деятельности, являются плодами мужской организационной активности, отвечающей каким-то важнейшим психологическим потребностям, как правило, не характерным для женщин? Конечно, вопросы эти поставлены в очень упрощенной (чтобы не сказать вульгарной) форме, но несомненно, что в проблемах антропологии пола, в том числе и в более узком вопросе о соотношениях статусов

полов, невозможно разобраться без углубленного изучения универсальных психологических явлений, обусловленных дихотомией полов и проявляющихся в процессе сознательной целенаправленной деятельности мужчин и женщин. Рамки марксистского формационного подхода и социально-экономического детерминизма как-то особенно тесны для этой проблематики. Рассматриваемая статья, как кажется, весьма наглядно показывает, насколько сковывающее воздействие на исследовательскую мысль оказывает этот подход, даже тогда, когда она развивается в сугубо демократическом обществе и не находится под давлением государственной идеологии и политических факторов.

О. Ю. Артёмова

Примечания

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 414.

² Gellner E. State and Society in Soviet Thought. Oxford, 1988. P. 4.

³ Попов В. А. Этнополитические организмы аканов доколониальной эпохи: Пробл. генезиса и стадильно-формационной атрибуции: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1987.

⁴ Например, Begler E. B. Sex, Status and Authority in Egalitarian Society // American Anthropologist. 1978. V. 80. № 3; Endicott K. L. The Conditions of Egalitarian Male-Female Relationships in Foraging Societies // Canberra Anthropology. 1982. V. 4. № 2; Woodburn J. C. Hunters and Gatherers Today and Reconstruction of the Past // Soviet and Western Anthropology. Duckworth, 1980.

© 1990 г.

ПОЛ И ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ КУЛЬТУРЫ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Появление статьи Кристиан Гейли «Диалектика пола в процессе формирования государства» на русском языке нельзя не приветствовать. Американская исследовательница предлагает весьма сжатую и сконцентрированную по форме теоретическую реминисценцию своих взглядов на проблему пола, сложившихся в результате скрупулезных эмпирических исследований на островах Тонга и анализа широкого сравнительного материала. Статья представляет огромный интерес не только потому, что позволяет лучше понять классическую в этнологии проблему формирования ранних форм государственности, но и потому, что демонстрирует одно из направлений в антропологии пола, ориентированное на отражение масштабных социальных процессов через призму динамики половых ролей и статусов.

Мои заметки не касаются непосредственно материала К. У. Гейли, который выступает здесь лишь как повод для обсуждения некоторых методических аспектов сравнительного исследования социального и символического статуса полов в различных культурах. Далее попытаемся выявить скрытые противоречия подобного подхода, которые проявляются отчетливо, в частности, в том случае, если сравнительное исследование доведено до логического конца и представляет собой статистический кросскультурный анализ влияния различий в положении полов на протекание глобальных социальных процессов в данных культурах. Краеугольным камнем такого анализа является понятие статуса. В то же время именно оно представляет препятствие для изучения соотношения полов в различных культурах, поскольку это понятие чрезвычайно сложно выразить через систему эмпирических индикаторов. Наиболее жестко данная проблема сформулирована в исследованиях социологов, которые отмечают практическую невозможность перенесения языка теоретического анализа, ис-

пользующего для описания социального положения человека такие понятия, как «статус», «роль», «класс» и т. д., на языках эмпирических исследований, оперирующих индикаторами «пол», «возраст», «профессия» и т. д.¹ С похожей проблемой столкнулись и этнографы, занимающиеся кросскультурным анализом. Так, К. Уайт показал, что понятие статуса при сравнении положения женщин в 93 культурах не обладает необходимой познавательной эффективностью из-за низкого коэффициента корреляции между различными эмпирическими индикаторами статуса².

В понятии статуса при тщательной верификации этнографических данных в рамках одной культуры также демонстрируется известный релятивизм. Проблема социального и символического соотношения полов высвечивает это качество, пожалуй, наиболее ярко. Действительно, традиционный способ описания культуры по ее различным разделам часто «буксует», как только речь заходит о символических аспектах поведения женщины. Несколько утрируя, можно сказать, что в определенных контекстах классическое клише «они (название народа) поступают (ведут себя, думают и т. д.) так-то и так-то», может означать всего лишь, что «информаторы — старики из данной деревни считают, что правильно делать (вести себя, относиться к чему-либо) надо так-то и так-то». В этом случае происходит не только приравнивание реального поведения к тем моделям, воспринимаемым как нормативные, но и сведение всех носителей культуры к их части. При всей очевидной неполноте описания культуры с позиций подобного андроцентризма, т. е. «склонности рассматривать и принимать в качестве подразумеваемой нормы прежде всего мужское поведение» (И. С. Кон)³, такие случаи не так уж редки.

Нечто похожее обнаружил Томас Альфреда Кребера в трудах Альфреда Кребера по этнографии индейцев Калифорнии. Относительно подчиненный ритуальный статус женщин в культуре индейцев юрок, по данным Кребера, сопрягался с молчаливым представлением о низком и грязном статусе менструальной крови, а также с отношением к женской физиологии как к своего рода проклятию. Этим мотивировалась изоляция женщин в менструальный период в отдельной хижине или комнате и запрещение контактов (не только сексуальных) с мужчинами. Однако Т. Бакли в ходе полевой работы обнаружил, что данная версия не только представляет лишь мужскую точку зрения на символический статус женщины, но и резко контрастирует с тем, как сами женщины интерпретируют его. По их мнению, изоляция в менструальный период связана с возрастанием в этот период женской ритуальной власти. Это время не стоит тратить на «мирские» занятия, т. е. на контакты с противоположным полом. Напротив, удалившись в отдельную хижину, следует направить усилия на концентрацию духовной энергии с тем, чтобы понять предназначение своей жизни и тем самым, погрузившись в себя, сделаться сильнее⁴. При этом Бакли обнаружил, что в черновиках Кребера, относящихся к 1902 г., содержатся не попавшие в публикации интервью, представляющие и женскую версию причин изоляции. Таким образом, создавая свою, академическую версию культуры юрок и ее институтов и отдав предпочтение в данном случае мужским взглядам, А. Кребер, по выражению Т. Бакли, пал жертвой «двойного (англоамериканского и юрок) мужского этноцентризма».

Однако дело не только в том, насколько глубже можно понять культуру юрок, сопоставляя мужскую и женскую версии объяснения изоляции в менструальный период. Материал Т. Бакли в большей степени иллюстрирует процесс зарождения этнографического знания (в данном случае знания о статусе женщины), преобразующего поток субъективных значений в систему культуры как организацию (совокупность статусов). Результат (текст) характеризуется, с одной стороны, определенностью и упорядоченностью связей, а с другой — их абстрактностью и умозрительностью с точки зрения исследовательского контекста. В самом деле, если культура юрок ассоциируется прежде всего с перламутровыми раковинами как мерой богатства и вирой за кровь, обсидиа-

новыми клинками и шурами белых оленей как символами престижа, отсутствием взаимопомощи и заботы о соплеменнике как основой существования долгового рабства и т. д., то о женской или мужской культуре юрок идет речь?

Обе версии (женская и мужская) могут включать в себя одни и те же символы, смысл которых заключен в рамках совершенно различных ценностных иерархий. Отношение к менструации показывает, что обе иерархии могут обладать известным релятивизмом и порождать весьма различные представления о культуре юрок в целом. В особенности это касается половой дифференциации. В зависимости от того, кто является информатором, мужчина или женщина, на основе дефиниции К. Гейли иерархии полов («регулярной ассоциации социального преобладания и власти с той атрибутикой, которая в данной культуре приписывается маскулинной») правомерно вычленение по крайней мере двух иерархических систем. А если предположить, что глубина информированности носителя культурной традиции может влиять на его ценностные ориентации, то количество версий может возрасти. Это демонстрирует одна из информаторов Т. Бакли — молодая женщина, которая в силу жизненных обстоятельств долгое время не подозревала о женской интерпретации менструации у юрок и адаптировала мужскую точку зрения. И чем глубже этнограф проникает в жизнь исследуемой группы, тем больше он видит версий ее культуры, которые будут различны у толкователей и непосвященных, мужчин и женщин, взрослых и детей и, в конечном счете, у каждого индивида.

На этот парадокс размывания общепринятых значений обратил внимание Э. Эванс-Притчард, когда писал о двусмысленности субъективных значений как о принципе их функционирования: «антрополог... начинает сомневаться, действительно ли он все правильно понял..., и не может быть в этом уверен, тем более, что и они [занде] не уверены, имеют ли те или иные слова какой-то нюанс или это им только кажется»⁵. Но антрополог в любом случае наблюдает не всю культуру юрок, а индейскую деревню в 1902 г. (А. Кребер) или в 1978 г. (Т. Бакли). Он имеет дело с межличностными отношениями, индивидуальным поведением и устными версиями отношений, которые он далеко не всегда в состоянии контролировать. В каком-то смысле можно сказать, что культура юрок существует как организм только в этнографических монографиях. И этнографическое знание данной культуры или ее аспекта, например, статуса женщины, существует, если воспользоваться метафорой Клирфорда Гиртца, как «густое описание» (thick discription)⁶ поведения в контексте, в котором индивидуальное поведение не равно самому себе, подобно тому, как доминантность или подчиненность, психологические по сути характеристики межличностных взаимоотношений мужчин и женщин, могут символизировать социальные институты или культурные системы.

Парадоксальность этого знания, взятого в чистом виде, заключается в том, что, будучи построенным на принципе самоочевидности, т. е. на сугубо феноменологической основе, оно обладает различной степенью достоверности по отношению к своей и чужой культуре. Другими словами, несмотря на все сказанное, я подсознательно уверен, что возможно описать статус женщины в культуре эвенков (чужой культуре) и невозможно — в современной городской («моей») культуре. И, соответственно, вообще невозможно описать статус мужчины. При этом представляется, что описание статуса женщины у эвенков или у юрок или в любой другой чуждой культуре для исследователя есть либо мифология, когда единичное эквивалентно своей же абстрактной сущности (данная эвенкийская женщина есть эвенкийская женщина вообще), либо искусство, т. е. способность, говоря словами Уильяма Блейка,

В одном мгновении видеть вечность,
Огромный мир в зерне песка,
В единой горсти — бесконечность
И небо — в чашечке цветка.

Н. В. Ссорин-Чайков

¹ Макгинис Р. Новое в методах исследования // Американская социология: перспективы, проблемы, методы. М., 1972. С. 151.

² White K. The Status of Woman in Preindustrial Societies. Princeton; N. Y., 1978. P. 170—171.

³ Кон И. С. Ребенок и общество. М., 1988. С. 16.

⁴ Buckley Th. Menstruation and the Power of York Woman: Methods in Cultural Reconstruction // American Ethnologist. 1982. № 9. P. 47—60.

⁵ Evans-Pritchard E. E. Essays in Social Anthropology. N. Y., 1953. P. 227—228.

⁶ Geertz Cl. The Interpretation of Cultures. N. Y., 1973. P. 12—21.

© 1990 г.

НОВЫЙ ПОДХОД В ИЗУЧЕНИИ ТЕМЫ ГОСУДАРСТВООБРАЗОВАНИЯ И ПРЕОДОЛЕНИЕ СТЕРЕОТИПОВ

Интерес исследователей, как советских, так и зарубежных, к проблеме типологии процессов государствообразования и, следовательно, к проблеме многолинейности развития культур разных народов устойчив и традиционен. Его можно обнаружить еще в работах исследователей XIX — начала XX в., особенно после того, как К. Маркс в основу своей теории о классовых антагонистических формациях положил представление о ведущей роли частной собственности в процессе образования государства. Между тем тезис о структурообразующей роли именно и прежде всего частной собственности в любом обществе, вышедшем из недр общинного строя, принимается ныне даже в советской историографии далеко не всеми. Так, А. Я. Гуревич, например, выделяет в качестве главенствующих процессы политогенеза, суверенитета личности или социального слоя; Л. Е. Кубель поставил вопрос о важнейшей роли власти, «потестарных» функций¹. В настоящее время перед нами статья американской исследовательницы, хорошо знакомой с современной марксистской литературой и во многом разделяющей ее основные положения. Эта работа позволяет обратить внимание еще на один аспект процесса образования государства, еще на один — и притом немаловажный! — фактор. Этот фактор — «диалектика пола». К. У. Гейли абсолютно точно подметила удивительное безразличие к нему многих исследователей теоретических моделей государствообразования, сама же она по достоинству принадлежит к числу первых исследователей, обративших на него внимание (наряду с И. Сильверблат, Э. Б. Ликок и др.).

Ставя перед собой задачу поиска причинно-следственных связей между процессами возникновения иерархии полов, развитием полоролевой дифференциации, классового и государствообразованием, К. У. Гейли попутно ищет и ответ на вопрос, является ли подчиненное социальное положение женщин исконным или же исторически обусловленным. В этом плане особенно верен и плодотворен, мне думается, вывод автора о том, что «патриархия не является неизбежным следствием иерархии полов, возникающей вместе с классами и государством» (№ 5. С. 95). Реальный авторитет женщин в любом обществе, и прежде всего в классовом, зависит помимо социальной стратификации от множества факторов, не связанных или мало связанных с нею. В одних сферах, которые, например, в современной французской историографии называются сферами «традиционно мужского господства» (война, политика и т. п.), в большей степени могла проявляться, пользуясь терминологией автора, «патриархия», т. е. приоритетность мужчин, в других наблюдался «половой параллелизм». Да и эти сферы нужно рассматривать исторически, доля участия или маргинализации (ограничения, исключения) женщин в них постоянно менялась, находясь в соответствии с динамикой развития многих социальных процессов.

Противоречит ли вывод К. У. Гейли традиционному представлению о процессе образования классов, государства и о влиянии этого процесса на пересмотр полоролевых стереотипов? Если понимать под «традиционным представлением» догматическое цитирование известного высказывания Ф. Энгельса о «всемирно-историческом поражении женского пола» с началом процесса образования классов², то, несомненно, противоречит. Если же относиться к марксистской концепции не как к догме, а активно использовать диалектический метод при анализе конкретного материала, стараться мыслить процессуально, что и делает К. У. Гейли, то мы должны будем признать, что автор отошел не от марксизма, а от односторонних, статичных схем, стереотипов. Мне также пришлось столкнуться с одним из таких стереотипов, возникшим из догматического толкования идей Ф. Энгельса о взаимодействии между возникновением частной собственности и моногамией, характерной чертой которой было господство мужчины в доме и в социальной жизни. Стереотип этот, надолго обосновавшийся в нашей науке, состоит в утверждении, что социальный статус русских женщин в раннегосударственный и феодальный период был чрезвычайно низок, а сами они долгое время представлялись какими-то «темными затворницами», прозябавшими в дикости и темноте. Конкретный материал говорил как раз об обратном — о положительной динамике изменения социального статуса женщин с развитием классового общества (и это по сути не противоречит общему марксистскому выводу о поступательном развитии общества). Но он не согласовывался с постулированным Ф. Энгельсом утверждением, и потому прочный социальный статус русских женщин приходилось объяснять прежде всего этнокультурными особенностями исторического развития России, не пытаясь найти общеисторические причины и детерминанты. Исследование К. У. Гейли ставит ученых перед необходимостью возобновить такие поиски.

В их русле лежит изучение самого процесса функционирования мужских приоритетов. Так, к числу наблюдений К. У. Гейли, с которыми можно безусловно согласиться, относится ее утверждение о том, что иерархия полов появилась вначале на межклассовом уровне, а затем на внутриклассовом, причем в господствующих непродуцирующих классах подчиненность, «несвобода» женщин выражена отчетливее, хотя женщины из числа элиты и обладали значительным авторитетом благодаря престижности самого их социального статуса.

Отметим также наблюдение К. У. Гейли, связанное с оценкой участия женщин в производственной деятельности. Со времени опубликования работы Ф. Энгельса известно, что именно исключение женщин из производственной сферы лежало в основе многих дискриминирующих актов. К. У. Гейли же замечает, что примеров того, что конечный продукт производства контролировали оба пола (и даже одни женщины!), очень много. Между тем контроль над распределением — явление более значимое, нежели простое участие в производственном процессе³.

Все эти важные положения также дают повод для размышлений.

Конечно, работа американской исследовательницы, демонстрирующей новый подход к «вечной теме», не свободна от гипотетических положений, требующих более веской аргументации. К числу их можно отнести утверждение о том, что «в слабых государствах» больше учитывалась полоролевая дифференциация, а в «сильных» — менее (№ 5. С. 90). Так ли это? И не правильнее ли ставить и рассматривать вопрос иначе, беря за основу уровень социально-экономического развития, т. е. мыслить формационно: сравнить ситуации на ранних стадиях развития классовых обществ, когда положение в системе родственных связей, пол, брачный и родительский статус учитывались вполне определенно, и на поздних ступенях развития формации («классический» Рим, поздний феодализм и т. п.), когда половые различия учитывались, особенно в законах, номинально или не учитывались вовсе.

Анализируя концепцию и аргументацию К. У. Гейли, можно найти и другие

нерешенные вопросы, спорные утверждения. Так, мне, например, трудно согласиться с тем, что, по словам К. У. Гейли, исследователи, придающие большое значение проблеме пола в процессе государствообразования, работают в большинстве своем в русле марксистской концепции. За рубежом многие ученые и немарксистского толка анализируют эту проблему, в СССР же подобные исследования как раз почти не велись. Однако можно надеяться, что они еще привлекут внимание этнографов и историков различной специализации: медиевистов, русистов и «западников», ориенталистов. Работа К. У. Гейли может дать тому полезный импульс.

Н. Л. Пушкарева

Примечания

¹ Гуревич А. Я. Проблемы генезиса феодализма в западной Европе. М., 1970. С. 52, 59—60 (его точку зрения разделяют: Васильев Л. С. Феномен власти-собственности // Типы общественных отношений на Востоке в средние века. М., 1982. С. 61; Куббель Л. Е. Потестарная и политическая этнография // Исследования по общей этнографии. М., 1979. С. 241—277).

² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 60.

³ Сошлюсь здесь на собранный мною древнерусский материал: Пушкарева Н. Л. Женщины Древней Руси. М., 1989. С. 260—261.

© 1990 г.

ПОЛОВЫЕ РАЗЛИЧИЯ В ПОВЕДЕНИИ ПРИМАТОВ И ПРОБЛЕМА ДИАЛЕКТИКИ ПОЛА В ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ОБЩЕСТВАХ

В статье «Диалектика пола в процессе формирования государства» К. Гейли справедливо указывает на распространенную ошибку многих исследователей, рассматривающих иерархию полов как неизменную черту всех человеческих обществ и приписывающих ей статичную форму (иерархия при этом представляется в виде патриархии). Половые различия в культурной и социальной сферах анализируются в данном случае как врожденные качественные характеристики, детерминированные биологическими различиями особей противоположного пола. Подобная трактовка, с нашей точки зрения, носит отчетливые следы влияния социобиологического подхода, представляющего доминирование мужского пола над женским в виде универсальной черты сообществ приматов¹. Такие представления не только слишком упрощены, но, по-видимому, далеки от реального положения дел. Прежде всего следует сказать, что на современном этапе развития этологии претерпела значительные изменения сама теория доминирования. Ранги особей не рассматриваются более как неизменный атрибут животного, его врожденная характеристика². Признается, что они отражают лишь взаимоотношения между конкретными особями в определенных ситуациях и в фиксированные отрезки времени. Вместе с тем высокий статус животного в группе, несомненно, зависит от его индивидуальных качеств: типа нервной системы, ряда психологических характеристик, «коммуникабельности» (способности образовывать альянсы, получать и оказывать поддержку), умения координировать действия других особей³. Существенную роль в определении социального положения животного играют его родственные связи. Известно, к примеру, что у макаков ранг самки наследуется по материнской линии: самка-дочь занимает место в групповой иерархии сразу после матери⁴.

В отряде приматов отсутствует однозначная закономерность доминирования

мужского пола над женским. Можно выделить некий условный непрерывный ряд, представленный видами приматов с разной степенью выраженности иерархии между полами. На одном его конце находятся виды с выраженным половым диморфизмом морфологических признаков (прежде всего размеров тела). Самцы этих видов приматов, как правило, отчетливо доминируют над самками в пищевой, социальной и сексуальной сферах активности (павианы, гамадрилы, гориллы, орангутаны). Самки же обычно занимают подчиненное положение по отношению к самцам. Наиболее характерным типом социальной организации для таких видов является гаремная группа. У большинства видов приматов половой диморфизм выражен не столь отчетливо. Самки могут подчиняться одним самцам и доминировать над другими. Социальные ранги животных определяются не их половой принадлежностью, а скорее возрастом и родством. У многих видов макаков с их развитыми матрилинейными связями статус прямо или опосредованно зависит от социального статуса их матерей. С другой стороны, в группах, где половозрелый сын является лидером, его мать часто доминирует над всеми остальными членами группы мужского пола. Известны случаи, когда при наличии половозрелых самцов реальным лидером группы была старая самка (наблюдения автора за группами макаков резусов и лапундеров в Сухумском приматологическом центре). Ни сила особи, ни ее агрессивность не являются определяющими признаками при выборе лидера группы. В этом случае существенным моментом становятся интеллектуальные способности животного и его социабельность (умение устанавливать дружелюбные контакты с другими особями группы и получать от них поддержку)⁵. К данной категории относятся виды (их большинство) с мультисамцовой — мультисамцовой организацией группы и развитыми матрилинейными связями. Проявление силового доминирования одного пола над другим отсутствует у большинства видов широконосых обезьян. Характерные типы их организации — парные семейные образования, включающие их неполовозрелое потомство и полиандрические группы, куда входят несколько взрослых самцов и одна самка. У ряда видов широконосых обезьян имеются также и мультисамцовые — мультисамцовые группы (например, у различных видов капуцинов). К другой категории относятся виды с мультисамцовой — мультисамцовой структурой групп, для которых характерно преимущественное доминирование самок над самцами (кошачьи лемуры, зеленые мартышки). Интересно заметить, что в этом случае самцы обычно крупнее самок. Предпринимая попытки определить роль особей мужского или женского пола в функционировании группы, нужно помнить, что у приматов группа представляет собой бисексуальную структуру. Важную роль в ее функционировании играют особи обоего пола. Для подкрепления подобного утверждения приведем один из примеров. Помимо универсальных механизмов поддержания единства группы, существуют также и сугубо полоспецифические механизмы.

Последние столь важны для обеспечения групповой стабильности, что при нарушении половозрастной структуры группы может происходить инверсия поведения, при которой отдельные особи начинают выполнять социальные роли, специфические для представителей противоположного пола. Ни одна из моделей иерархических отношений между полами не является абсолютной. В пределах одного вида приматов всегда существуют значительные межгрупповые различия, связанные с конкретными экологическими условиями и уникальным для каждой группы набором особей. Значительные межиндивидуальные различия животных могут зачастую перекрывать половые поведенческие различия.

Вместе с тем нельзя отрицать, что половая дифференциация поведения у приматов — в значительной мере следствие генетических различий. Она зафиксирована уже на самых ранних этапах онтогенеза. Формирование поведения особей противоположного пола во многом зависит и от условий воспитания. Члены группы, в том числе и мать детеныша, по-разному относятся к младенцам мужского и женского пола⁶. У взрослых особей, согласно наблюдениям Де Ваа-

ла, отмечаются половые различия по частоте и форме социальных контактов, отношению к детенышам, орудийной деятельности. Например, и самцы и самки в группах шимпанзе способны образовывать коалиции с другими особями. Однако при этом особи противоположного пола преследуют совершенно разные цели и движимы принципиально различными мотивациями: самки образуют коалиции для защиты «друзей» и родственников, а самцы — для достижения более высокого социального положения в группе⁷. Тот же автор указывает на сходство половых различий, выявленное у людей в экспериментальных игровых ситуациях при формировании коалиций⁸. Самцы успешнее, чем самки, координируют действия группы, чаще выполняют роль контролирующего животного, поддерживая ее единство. Вместе с тем самки-матриархи становятся своеобразными «центрами», вокруг которых концентрируются другие особи. Именно самки, а не самцы выступают инициаторами деления группы, и от их взаимоотношений друг с другом в конечном счете зависит единство группы⁹. Отчетливые половые различия, связанные с техникой применения орудий для добывания пищи и успешностью освоения новых орудийных навыков, существуют в природных популяциях шимпанзе¹⁰.

Половые различия являют собой один из вариантов повышения внутривидового разнообразия особей, обеспечивающего расширение рационального использования ресурсов среды и оптимизацию социальных взаимоотношений в группе. Данные по поведению приматов свидетельствуют о неправомерности завышения роли особей какого-либо одного пола для успешного функционирования группы. Они наглядно демонстрируют динамичность и диалектичность отношений между полами в сообществах приматов. Этологические исследования указывают на отсутствие однозначной тенденции к доминированию мужского пола над женским во внутрigrупповом общении.

Половые различия в поведении человека, несомненно, существуют и имеют диалектичный характер. Степень выраженности этих различий и их оценка во многом зависят от культурологических, социальных и экономических особенностей конкретного общественного образования. Одни различия подчеркиваются и гипертрофически усиливаются обществом благодаря воспитанию, другие, наоборот, затушевываются. Общественные потребности накладывают конкретные ограничения на характер проявления половой иерархии и распределения социальных ролей между особями противоположного пола. Весьма убедительно поэтому выглядит вывод К. Гейли о том, что в переходные периоды социально-экономического развития общества наблюдается значительная вариантность половой иерархии.

М. Л. Бутовская

Примечания

¹ Lumsden C. I., Wilson E. O. *Genes, Mind and Culture. The Coevolutionary Process*. Cambridge, 1981; Hamilton M. B. *Revising Evolutionary Narratives: A Consideration of Alternative Assumptions about Sexual Selection and Competition for Males* // *Amer. Anthropol.* 1984. V. 86. P. 651—662.

² Bernstein I. S. *Dominance: The Baby and the Bathwater* // *Science*. 1981. V. 4. P. 419—457.

³ Bernstein I. S., Williams L. R. *The Study of Social Organization* // *Comparative Primate Biology*. V. 2a. *Behaviour Conservation and Ecology*. N. Y., 1986. P. 195—213.

⁴ Kaplan I. *Fight Interference and Altruism in Rhesus Monkeys* // *Amer. J. Phys. Anthropol.* 1978. V. 49. P. 241—250.

⁵ Bernstein I. S., Williams L. R. *Op. cit.*

⁶ Goldfoot D. A., Neff D. A. *On Measuring Behavioral Sex Differences in Social Contexts* // *Handbook of Behav. Neurobiol.* V. 7. Plenum Publ. Corp., 1985. P. 767—783; Champoux M., Suomi S. *Sex Differences in the Behavior of Neonatal Rhesus Macaques* // *Amer. J. Primatol.* 1986. V. 10. P. 394.

⁷ De Waal F. B. M. *Sex Differences in the Formation of among Chimpanzees* // *Ethol. and Sociobiol.* 1984. V. 5. P. 239—255.

⁸ De Waal F. B. M. *Op. cit.*

⁹ Oi T. *Sociological Study on the Troop Fission of Wild Japanese Monkeys (Macac fuscata) on Yakushima Island* // *Primates*. 1988. V. 29. P. 1—19.

¹⁰ Whitesides G. H. *Nut Cracking by Wild Chimpanzees in Sierra Leone West Africa* // *Primates*. 1975. V. 26. P. 91—94.

© 1990 г.

НЕТ «ЖЕНСКИХ» ПРОБЛЕМ БЕЗ «МУЖСКИХ»

Известно, как много дает исследователю для понимания процессов, происходящих в обществе, определение статуса мужчин и женщин, «мужской» и «женской» роли. Но известно и другое — как трудно установить специфику каждой из этих ролей. Половая дифференциация, как всякое социальное явление, исторически обусловлена, ее формы меняются в зависимости от конкретной исторической ситуации. Любая социальная роль, в том числе половая, предполагает определенное социальное положение, позицию, которую человек занимает в системе общественных отношений, вследствие чего анализ «мужской» или «женской» роли должен проводиться в определенном социальном контексте, в рамках конкретного общества. Такой историко-социологический подход позволяет понять процесс сложения тех половых ролей, тех взаимоотношений мужчин и женщин, которые мы называем современными, а также проследить их изменение и видоизменение вместе с ними культурных норм и стандартов.

В этом плане замысел К. У. Гейли исследовать взаимоотношения между полами, с одной стороны, в рамках процесса формирования государств, а с другой, в их диалектическом развитии представляется весьма перспективным, а ее труд — наглядным подтверждением необходимости учета фактора пола в обществоведческом исследовании. Широкий и многогранный взгляд на проблему — бесспорное достоинство обсуждаемой статьи. Вместе с тем ряд важных идей, требующих специального внимания, лишь намечен автором и требует особого разговора.

К. У. Гейли прослеживает зависимость статуса женщин от социально-экономических факторов, пытаясь дифференцированно подойти к роли пола в различных социально-политических контекстах. Эта мысль автора вполне закономерна и, кстати, подтверждается наблюдениями, полученными при анализе материалов массового этнографического обследования в Чувашской АССР. Действительно, положение различных групп мужчин и женщин в одном и том же обществе зависит от множества обстоятельств, в том числе и социально-экономического характера. Остановлюсь лишь на некоторых, наиболее общих выводах, полученных при сравнительном анализе взаимосвязи состава населения по полу с демосоциальными характеристиками. Во-первых, половая принадлежность служит наиболее существенным критерием дифференциации в сельской местности, т. е. влияние фактора пола наиболее жестко проявляется на селе. Во-вторых, социальные характеристики мужчин — представителей различных национальностей, проживающих в Чувашской АССР, например чувашей и русских, более сходны, чем у мужчин и женщин одной и той же национальности (только чувашей или только русских). Тот же вывод можно распространить и на женскую часть населения республики. В-третьих, сравнение данных по возрастным группам показывает, что социальная неоднородность между мужчинами и женщинами одной и той же национальности обусловлена не фактором возраста, а фактором пола.

Учет последнего при исследовании современных этнических процессов дает весьма интересные результаты в сочетании с различными социально-экономическими характеристиками. Но этого недостаточно: помимо социальных важно учитывать и культурологические характеристики, о чем К. У. Гейли упоминает лишь вскользь (№ 5. С. 85). Между тем изучение культурологического аспекта половой дифференциации представляет для этнографии особый интерес. Именно при исследовании этнокультурных явлений учет фактора пола вносит существенные поправки в устоявшиеся представления, разрушает идею универсальности некоторых полученных ранее, без учета этого фактора, выводов. Сошлемся вновь на наши материалы.

Например, существует мнение, что люди преклонных лет лучше знают свою традиционную культуру, наиболее привержены к ней. В отношении женщин, особенно живущих в сельской местности, это подтверждают и наши данные. А вот пожилые мужчины, проживающие как на селе, так и в городе, свою этническую культуру знают хуже, чем более молодые мужчины. Но в целом половая диспропорция среди лиц пенсионного возраста столь велика (количество женщин намного превышает количество мужчин), что они по уровню знания традиционных форм этнической культуры опережают другие возрастные группы. И лишь учет фактора пола показывает, что приверженность людей к традиционным формам культуры не всегда усиливается с возрастом. Так же, как и не обязательно уменьшается с повышением социального статуса людей, ростом их образования, как считают некоторые исследователи, не учитывающие состав населения по полу. В ходе нашего обследования чаще других выявляли особый интерес к своей этнической культуре и демонстрировали высокий уровень знания ее различных форм мужчины-чуваши, занятые в сфере высококвалифицированного умственного труда. Перечень подобных примеров можно продолжить. Все они указывают на то, что при изучении современных этнокультурных процессов этнографы не должны игнорировать такое фундаментальное биосоциальное явление, как пол. К тому же помимо теоретического интереса учет фактора пола имеет и практическое значение. Здесь мы сталкиваемся с проблемой соотношения традиционных общественных представлений, поведенческих норм с тенденциями развития современного общества, о которой также упоминает в своей статье К. У. Гейли (№ 5. С. 86).

Мужчины и женщины в современном мире взаимодействуют в широком спектре социальных ролей (общественных, производственных, семейно-бытовых и т. д.). Очень многие роли трудно разделить на «мужские» и «женские», они не всегда четко регламентированы и определены. Вместе с тем в обществе еще существуют представления о традиционной системе распределения половых ролей, иной раз не соответствующие реальности. Традиционные представления вступают в противоречие с новым распределением социальных ролей мужчин и женщин. Это серьезно влияет на поведение и психику людей, приводит к конфликтным ситуациям. Становление новых форм взаимоотношений мужчин и женщин происходит стихийно, в результате чего утрачиваются эстетические и этические ценности, накапливавшиеся человечеством веками. Порой не хватает жизни одного поколения, чтобы усвоить новые формы взаимоотношений мужчин и женщин, выйти из той или иной конфликтной ситуации. Мужчины жалуются, что нет «настоящих» женщин. Женщины все больше осознают, что в современном обществе нельзя быть «настоящей» женщиной, в том традиционном смысле, который вкладывают в него мужчины: на слабую, уступчивую, скромную женщину нет социального заказа. Молодые абхазские женщины говорили мне во время обследования: «Свое традиционное абхазское воспитание я должна всякий раз „оставлять“ дома: за порогом оно мне уже не помогает, а мешает жить». Для наших современников традиционное половое разделение все более теряет смысл. Традиционные роли вовсе не выражают естественную гармонию, якобы присущую людям. Все эти наблюдения как нельзя лучше перекликаются с замечанием К. У. Гейли: «Когда имеешь дело с изучением фактора пола в условиях глубоких социокультурных перемен, сталкиваешься как с сохранением старых стереотипов, очень разных по содержанию, так и с принятием или созданием различных новых форм, которые должны служить функциональными эквивалентами старых, уходящих, изживаемых» (№ 5. С. 87).

Глубокие социокультурные перемены в нашей стране происходят уже не первый десяток лет, к тому же страна наша — многонациональна, вот почему в изучении особенностей традиционной и современной половой дифференциации у различных народов СССР столь велика роль этнографов.

Эмансипация, достигшая апогея, в наши дни привела к тому, что мужчины

и женщины взаимодействуют практически на всех уровнях и во всех областях человеческого общества. Но при этом фактор пола проявляет себя в различных сферах деятельности по-разному: с одной стороны, сферы влияния мужчин и женщин в одном и том же обществе могут быть различны, с другой — их статус в разных сферах деятельности также различается. Обратимся вновь к нашим данным.

В Чувашской АССР женщины составляют 55,4% среди всех рабочих и служащих и участвуют практически во всех сферах производства. Но заняты они в основном в массовых профессиях, в менее творческих, менее ответственных и, как правило, более трудоемких сферах профессиональной деятельности. Женщины отстранены от реального и широкого участия на верхних и средних уровнях управления. «Начальнический эшелон» в подавляющем большинстве составляют мужчины, хотя в целом в республике женщины опережают мужчин по числу имеющих среднее специальное и высшее образование.

Вместе с тем в семье у современных чувашей все чаще роль главы переходит от мужчины к женщине. Эта роль перестала быть лишь мужской, как было принято прежде: во время нашего обследования в 36% городских и 21% сельских семей главой была признана жена. И это помимо тех семей, где муж и жена разделяют власть поровну.

Известно, что в других регионах страны доля семей, в которых главенствующая в семье жена, еще выше. Не случайно исследователи современной городской семьи описывают такое социальное явление, как «гаражная популяция мужчин», когда мужа все свободное время проводят вне семьи, самостранясь не только от руководства ею, но и от какого-либо участия в решении семейных дел. В этой категории мужей значительную долю составляют такие, которые занимают руководящие посты в различных сферах общества.

Таким образом, статус как мужчин, так и женщин в разных сферах одного и того же общества может быть различным. Это наблюдение справедливо не только для современной ситуации.

И последнее. Именно дифференцированный подход к изучению процессов, происходящих в обществе, убеждает, что нельзя изучать «мужские» и «женские» роли, статус мужчин и женщин отдельно друг от друга. «Женский вопрос» не существует без «мужского». Исследовать «женский вопрос» — значит выявить специфику положения женщины в сравнении с положением мужчины в рамках данного конкретного общества, строя, этноса. Вот почему при изучении положения женщины той или иной национальности объектом исследования должны быть не только женщины, а весь этнос, состоящий из мужчин и женщин. Думается, такой подход позволит найти новые пути, средства, методы решения «женского вопроса» в СССР. В наши дни это особенно актуально. Ведь ни для кого не секрет, что мы уже утратили былые преимущества стратегии и тактики решения этой проблемы: сегодня налицо существенное отставание теории от общественной практики. Как известно, «женский вопрос» в СССР постигла участь многих других важнейших социальных проблем: в 1930-е годы он был провозглашен «решенным», вследствие чего оказался закрытым для обсуждений, дискуссий и творческих разработок. Его изучение до недавнего времени сводилось к провозглашению догмы «о решенности женского вопроса в СССР» и к провозглашению «великих достижений» в этой области. Сегодня очень важно отказаться от устаревших представлений, укоренившихся стереотипов, психологических барьеров, чтобы привести в соответствие с реалиями конца XX в. методы решения женского вопроса в СССР.

Исследование процессов взаимоотношения представителей различных полов и обществ — одно из ведущих направлений зарубежного обществоведения. Было бы недальновидно не учитывать весь этот богатый и разнообразный опыт. Статья К. У. Гейли, как и другие работы зарубежных исследователей по этой проблематике, служит преодолению дефицита внешних научных связей и увеличивает наши возможности.

© 1990 г.

**О РОЛЕВЫХ СООТНОШЕНИЯХ
«МУЖЧИНА—ЖЕНЩИНА»
В ТРАДИЦИОННЫХ КУЛЬТУРАХ
НЕКОТОРЫХ НАРОДОВ СССР**

Проблема ролевых соотношений «мужчина—женщина» издавна была предметом внимания этнографической науки и изучалась главным образом в аспекте семейных взаимоотношений, распределения функций в семье. К. У. Гейли прослеживает изменения этих позиций у ряда народов во всех исторических формациях. Разумеется, для подобных построений необходимы безупречные исходные материалы. Имеющиеся в распоряжении сибиреведения данные дискуссионны и ограничены сравнительно узкими временными рамками: это XIX в., в меньшей степени XVIII в. Архивные материалы по данной теме крайне редки, фольклорные односторонни.

По вопросу о ролевом соотношении «мужчина—женщина» у русских и других славянских народов, а также некоторых народов Сибири (алтайцы, нанайцы, нивхи и др.) во многих исследованиях советских ученых прошлых лет преобладал стереотип, согласно которому женщина занимала бесправное, приниженное положение в семье и обществе. Он нашел отражение и в ряде современных работ. Обычно, говоря о народах Сибири, Севера, Средней Азии и других регионов, исследователи писали о том, что женщина была бесправной до революции и стала свободной в настоящее время. Эта проблема требует более глубокого изучения и осмысления, особенно в отношении прошлого.

В один и тот же период у одного народа положение женщин, относящихся к разным имущественным слоям и классам, было неодинаково. Мы здесь коснемся только основной массы населения, производящего материальные блага. Хотя религия и государство вносили существенные коррективы в традиционное семейное ролевое соотношение «мужчина—женщина» не только у славян, но и у многих народов Сибири и Севера, положение женщины в семье, как правило, оставалось высоким, хотя этот вопрос и не везде решался однозначно.

При рассмотрении структуры и ролевых соотношений в традиционных больших (или неразделенных) семьях у ряда народов СССР обнаруживается много общего. Повсеместно семья делилась более или менее резко на две группы — мужскую и женскую, каждая со своими функциями. Мужчина-отец являлся главой семьи и отвечал в целом за ее благосостояние, он же руководил деятельностью мужской части семьи и мало касался женской, возглавляемой его женой. Функции последней, ее права в семье обычно не уступали правам мужа. Ей подчинялись не только снохи, но и женатые сыновья. Ее роль в семье отражалась в фольклоре (в аспекте взаимоотношений свекрови с невестками или снохами). Она нередко контролировала бюджет семьи, решала матримониальные вопросы, а став вдовой, часто возглавляла семью (хотя формально власть переходила к старшему сыну).

Поскольку функции мужчин и женщин в семье различались, интересно оценить значимость этих функций. Сами носители, разумеется, оценивали их, учитывая не только материальный, но и духовный аспект выполняемых женщинами функций. В обществе преобладал иной взгляд на женщину, что нашло отражение во взглядах многих ученых-этнографов. Однако исконные взаимные связи и отношения, возникавшие в глубокой древности, хотя и трансформировались, в целом сохранялись.

Проблема бесправия женщин в этнографической литературе подчас рассматривалась односторонне. Так, ссылаясь на фольклор, исследователи писали о бедственном положении невесток в семье. Но это было характерно лишь для младших невесток, а не для старших, которые отнюдь не были бесправными

(как, впрочем, и жены в малых, нуклеарных семьях). Некоторые исследователи считали бесправным также положение дочери в семье, так как ее выдавали замуж без ее согласия. Но подобным же образом поступали и с сыновьями; родители стремились женить или выдать замуж своих детей в возможно раннем возрасте, чтобы те не препятствовали родителям в решении их планов.

Авторитет отца — главы семьи и матери — его жены в семьях, где сохранялись старые обычаи, был примерно равным, беспрекословное подчинение тому и другому всех членов семьи было законом. Отступления от такой традиции у каждого народа были разнообразны и отражали разные стадии развития семьи и общества. Тем не менее во всех семьях, в том числе и в малых, вклад женщины (воспитание детей, в большинстве случаев также руководство семейными обрядами и т. п.) в управление хозяйством во время отъезда мужчин на заработки сказывался на авторитете женщины и оценивался их членами соответственно. Стереотип, согласно которому женщина занимала приниженное, бесправное положение, прочно установившийся среди исследователей, сказался и при изучении соотношений ролевых позиций «мужчина — женщина» у малочисленных бесписьменных народов Севера и Сибири. Их традиции, сохранявшиеся в XIX — начале XX в., получали неверную оценку. Доказательством бесправного положения женщин считали бытовавшие многоженство, левират, обычаи избегания, отстранение женщин от участия в некоторых религиозных обрядах и т. п. Однако при детальном изучении этих вопросов выясняется, что обычай левирата покровительствовал вдовам и сиротам; многоженство у народов Севера проистекало из бытования левирата, а также было следствием бесплодия или болезни первой жены; обычаи избегания были в ряде случаев обязательными и для мужчин и т. п. Отстранение женщин от участия в некоторых ритуалах совершенно не связывалось с их дискриминацией. В каждой семье ряд обрядов совершался только женщинами. Таким образом, в обрядовой жизни существовали сферы, разграниченные между мужчинами и женщинами.

Положение женщин (как и мужчин) в прошлом было «физически тяжелым», что определялось трудностями борьбы за существование каждого коллектива. Женщины не были бесправны в семье и в обществе (положение вдов). Они играли важнейшую роль в экономике, в жизни семьи, и это отражалось на их положении, которое можно признать равным с мужским. Такое положение прослеживается у народов с разными уровнями развития. Распространенное утверждение о приоритете мужчин в ролевых соотношениях «мужчина — женщина» у разных народов СССР в прошлом нуждается в пересмотре.

А. В. Смоляк

© 1990 г.

ОТКЛИК НА СТАТЬЮ К. У. ГЕЙЛИ

Предшествующие комментарии, с моей точки зрения, выявили некоторые спорные аспекты статьи К. У. Гейли. На Западе работа К. У. Гейли существенна как одна из немногих попыток подчеркнуть роль родственных отношений или, что более точно, сопротивления родства в процессе становления государства. Но государство формируется из многих различных факторов, а в данной статье, несмотря на многочисленные примеры, доказательство осуществляется на таком уровне обобщения, который создает некоторые трудности для понимания.

На мой взгляд, следует высоко оценить русский перевод статьи, хотя я прочитал его до знакомства с оригиналом и столкнулся с некоторыми труд-

ностями, которые, видимо, связаны с различиями в советской и западной этнографических традициях.

Наверное, наиболее важный момент — это соотношение понятий «секс» и «пол», которые в противоположность тому, как они рассматриваются в советской литературе, никогда не употребляются на Западе как синонимы. В данной статье понятие «секс» используется для того, чтобы обозначить биологический факт, в то время как «пол» — чтобы обозначить создаваемый человеком культурный институт. Таким образом, *gender* (пол) открыт для широкой культурной интерпретации и изменений, а *sex* с его целями и функциями, — нет.

Понятие развития также порождает некоторую двойственность в восприятии. Читая, например, фразу «половые отношения в условиях неуравновешенного развития», можно подумать, что неуравновешенно протекают сами половые отношения. Но «развитие» (*development*) здесь употребляется исключительно в экономическом смысле, как в словосочетании «развитие стран третьего мира», т. е. Гейли в данном случае подчеркивает взаимосвязь между половыми и экономическими отношениями.

И наконец, в конце статьи мы узнаем о стремлении автора «ввести этноисторию в марксистскую научную традицию» (№ 5. С. 96.). Это ассоциируется с центральной ролью исторического подхода в советской этнографии. Но понятие «этноистория» в том смысле, в котором его использует Гейли, имеет более метафорический смысл. Его цель — не подчеркнуть важность истории для изучения данного этноса, но показать роль сопротивления родства изменению экономических и политических структур. И здесь этноистория олицетворяет позицию тех, кто подвергается ассимиляции, т. е. в данном случае женщин, которые в государствах, создаваемых мужчинами, оттесняются на второй план.

Б. Грант